

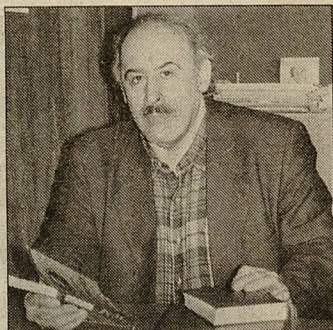
Наш собеседник
Владимир Лазарев -
поэт, прозаик, историк
культуры, основатель
совета содействия
библиотечному делу.

- Владимир Яковлевич, говорят, вы недавно солидный юбилей отметили, а все не успокоитесь. В самых ярких атаках, необходимых для спасения нашей культуры, вы всегда на передовой. Откуда такая энергия?

- Я сам с собой часто справиться не могу. Страсть вышибает... Это я считаю своим минусом, потому что из-за этого путаница возникает. Я с такой страстью начинаю что-то защищать, что иным кажется, сейчас все разрушу. Но разве я что-нибудь разрушил? Хотя и раньше, и теперь есть вещи, с которыми не могу смириться. К примеру, когда в Москве многие старинные дома под снос определили, мы в Союзе писателей секцию «Градостроительство и память» создали и их отстаивали. Это надо было страстно делать, и мы преуспели.

Многое, конечно, изменилось с тех пор, но... Тогда же в «Литературке» я опубликовал статью «Трава забвенья?». Нет, свет памяти» - о состоянии кладбищ, мемориалов, памятных мест в нашей стране, состоянии крайне удручающем. Кладбища ведь о многом говорят: о вере и безверии народа, о его культуре, нищете или достатке, о страданиях: страшные свидетельства - захоронения погибших на афганской войне, в Чечне... Так вот, мешки писем тогда получил. Люди идею сохранения некрополя горячо поддерживали. Но по-прежнему у нас с кладбищами - дело худое: гигантские «острова мертвых» на окраинах Москвы, а все без храмов. Лишь на Николо-Архангельском кладбище недавно поставили часовенку... Много заброшенных могил. До сих пор в иных местах не захоронены погибшие в Великую Отечественную... Об этом же нельзя забывать!

- Но другие-то забывают, даже те, кому по должности положено помнить. А вы все о духовности, о культурном наследии народа печетесь, то Жуковского увековечиваете, то Болотова, то Лосева - и не только в статьях, повестях, на литературных вечерах, но и помогая создать музеи или, скажем, экспериментальное хозяйство, где бы на земле

реализовывались идеи Болотова. Зачем вам все это надо?

- Во-первых, не я один всем этим занимаюсь, а во-вторых, существует в России традиция подвижничества: есть подвижники духовные - это строгое дело, но есть и подвижники культуры. Это тоже очень сильное, яркое явление. Мне посчастливилось: я ведь долго жил в Ясной Поляне и знал всех трех секретарей Л.Н.Толстого, в особенности же Валентина Федоровича Булгакова, который был моим наставником. Вот он и передал мне этот «огонь культуры»... Валентин Федорович много рассказывал мне о толстовском жизнестроительстве, и сам был жизнестроителем. В наши дни эта российская традиция воплотилась в деятельности Солженицына - сколько он сейчас тем же земством занимается; Залыгина, самоотверженно борющегося против затопления российских земель, против поворота на юг северных рек; Распутина, непреклонно отстаивавшего Байкал. Нельзя недооценивать подвижничества для русской культуры труд Д.С.Лихачева и Б.В.Раушенбаха, а мы уж под действием злобы дня и прислушиваемся к ним перестаем... О других же подвижниках культуры, большей частью живущих в провинции, и вовсе ничего не знаем... А на них-то живая культура и держится.

Вот занимался я Болотовым и на родине его познакомился с подлинными хранителями памяти и идей самобытнейшего русского ученого - с местным учителем Трошиным, художником Кобыляковым, очень помог нам доктор сельскохозяйственных наук селекционер Бердышев. С ними и создавали музей и центр... Тульскую область я вдоль и поперек исходил, много раз бывал на Куликовом поле. И вот однажды вижу - экскурсия, а там еще тогда ни музея, никого-ничего не было. Но был школьный учитель Казанский, он и водил экскурсии - вдох-

новенно и бесплатно.

Все это просто потрясающие люди! А у нас чаще всего о них вполне осознанно умалчивают. В Америке же, в библиотеках например, я видел мраморные доски, на которых написаны имена людей, благотворивших деньгами или делом каким-нибудь... А наша историческая библиотека - вся на дарах создана: Чертковский фонд, Шаповский... Мне бы хотелось, чтобы люди могли прочесть там имена дарителей.

Подвижничество в русской культуре - это делание больших и малых вполне конкретных жизненных дел, а не только подвижническое служение своему творческому призванию. Мы почему-то считаем так: художник - богема, он - дитя, и все ему прощают, он любит женщин, вино и эксцентричные поступки... Пусть это все будет, и любви ему дай Бог... Но хоть ты и дитя, а все-таки помни: тебе дан дар Божий и дар народный, ты не в чистом поле его получил, будь благодарным. А благодарность должна быть действенной: помоги восстановить храм, построить школу, создать музей. Если замечательного актера, тебе известного, по смерти его все забыли, не просто назови где-то его имя, собери документы, воспоминания, издай их... Раз ты - художник, литератор, режиссер, актер, музыкант, возьми на себя добровольную культурную повинность. Кто-то на всю жизнь сможет эту ношу взвешать, если захочет, а кто-то сделает лишь одно дело - и то благо.

- Стало быть, вы несете повинность... Но когда делосделано, человек ведь огромную радость испытывает. Вы испытывали радость, когда Толстые вернулись в Ясную Поляну? Помните, вы давно и страстно за это ратовали... Или, например, испытывали ли вы радость, когда сняли директора Российской государственной библиотеки, о немелом управлении которого

вы били тревогу не один год?..

- Когда Толстые вернулись в Ясную Поляну, действительно обрадовался, потому что они перед своим родом и перед всеми нами за наследие великого предка в ответе, тут механизм совести должен сработать, а это для дела важно. Что же касается РГБ, то я считаю увольнение Филиппова справедливым. Мы ведь и боролись, потому что случайный человек занимался делом, с которым явно не справлялся. Но вот такая беда: этот человек и теперь думает только о себе, размахивая больничным, о котором, когда издавался приказ, никто не знал, он подал в суд. Судебная тяжба тянется уже больше полугода, Филиппов изображает себя жертвой финансовых махинаций Министерства культуры, о которых (если они были) он молчал, пока его не сняли, и требует 100 млн. рублей в качестве компенсации за моральный ущерб. Однако ущерб от его непрофессионального руководства главной библиотекой страны куда как больше. Пока же новый директор библиотеки не назначен, она продолжает разрушаться, более всего страшит наступление осенне-зимнего сезона, так как денег на ремонт отопления сейчас не дают. Значит, опять будут прорывы в теплосети, опять будет библиотека закрываться, как в филипповские времена? Дирекция бьет тревогу, но наши власти все это, похоже, не волнует. Раньше выборы были, теперь кресла дедают. А нужно, если мы хотим сохранить свою национальную библиотеку, чтоб директором сюда пришел не случайный человек, назначенный по блату или по политическим пристрастиям, а выдающаяся личность, человек, непременно уже в культурном строительстве преуспевший, полный сил и бескорыстный, способный умно подобрать команду. Двух кандидатур надо наметить и обсудить с представителями

профессиональной библиотечной общественности, на комитете спасения РГБ, который мы создали. Вот добились снятия Филиппова и успокоились, а рано.

- И наконец, библиотеке должно быть возвращено ее имя...

- Да, конечно! Румянцевская библиотека - как это звучит замечательно! Мало того, имя и слово помогают собрать волю, силу и энергию, способствуют созидательному движению. Это я не просто фантазирую, так оно и есть... Мы о восстановлении имени Российской библиотеки не раз писали и говорили.

- Тем не менее... Вы вот на слово уповаете, а отчаяние порой не испытываете? Кажется, столько сил в дело вложил, так убедительно не раз и не два написал, постоянно «сеешь доброе, мудрое, вечное», а ничего по сути-то не меняется, разве что чиновники на хлебных местах перетусовываются...

- Нет, в слове великая сила. В 1994 году у меня на радио «Россия» была авторская программа «Неслучайные встречи, или Разговоры за протом». Об архитекторе Мельникове, о художнике Плестове с их сыновьями беседовал, о Вересаеве... И хотя сейчас мало писем пишут, а все же на эти передачи откликались. Одно письмо меня потрясло. Связано оно было как раз с передачей о Вересаеве, о живой жизни, о его стойкости... Женщина из Ульяновской области написала: она - учительница, страшно переживает, что происходит в стране, а еще весь этот кошмар по телевидению, разврат, распад, бездуховность - мало их в жизни, так еще с экрана прут. Подумала, что работа учительская уже никому не нужна. Все прахом пошло, и твердо решила в тот день покончить с собой. Только почему-то потянуло ее сверить часы, и она включила радио, попала на середину передачи о Вересаеве, до-

слушала до конца и вдруг поняла, что будет жить: «Мне Божие спасение пришло по проводочкам...» - так она в письме мне написала.

Прочитал я ее исповедь и подумал: а ведь мы часто не понимаем, представить себе даже не можем, «как наше слово отзовется». Журналист, телерадиокomentатор, политический деятель должны испытывать особую ответственность за свое слово. А у нас-то ведь как бывает: скажут в Думе что-нибудь непродуманное, сгоряча, забыв, что здесь не междусобойчик, а слово умножится на гигантские пространства и отзовется так, как ты и предположить не мог.

- Ну а теперь, Владимир Яковлевич, что вы задумали, какой идеей живете?

- Мечтаю о создании новой неоплатоновской академии. В академии Платона писали: «Не геометр да не войдет», я бы написал: «Нигилист да не войдет».

- Лучше: нигилист да не выйдет.

- Ну если не войдет, то и не выйдет.

- Отчего же? Русская культура, хоть и была православной, но ведь в XIX веке немало нигилистов взрастила...

- Да, что было, то было и есть. А целью новой неоплатоновской академии - воспитывать не французских просветителей, из сферы гипнотического влияния которых мы до сих пор еще не вышли, а русских мыслителей, в мировоззрении которых должны органично соединиться вера и знания. Давно пора освоить идеи своих мыслителей и подвижников культуры: Лосева, Вернадского, Чижевского, о.Сергия, Булгакова, о.Павла Флоренского, можно многих еще назвать... Я уж и в США, и в Болгарии об этом замысле говорил - заинтересовались. Но мечтаю все же создать такую академию в Москве, впрочем, и в провинции было бы недурно.

Беседу вел
Ирина КАРПЕНКО.